

**И. С. ШМЕЛЕВ И К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ:  
ДВА ВЗГЛЯДА НА ХРИСТИАНСКИЙ ПРАЗДНИК**

В русле православной традиции сложилось двойственное отношение к приятию мира. Мир — мироздание в целом, как оно сотворено самим Богом, и «мир», искушающий и прельщающий человека, пробуждающий «своими сквернами» его похоть и ведущий его к дьяволу.

Разные типы мировосприятия оказали воздействие на формирование концепции христианского праздника. Строй религиозных мироощущений И. С. Шмелева и К. П. Победоносцева повлиял на картину ими создаваемого православного мира и отразился в нем.

Как известно, они оба были христианами, православными, проявлявшими глубокий интерес к теме Святой Руси. Коренные москвичи, И. С. Шмелев и К. П. Победоносцев, в своих произведениях умышленно остаются в пределах конца XIX века, когда все еще было прочно и неколебимо — от век существовавшим и на века даденным от самого Господа Бога. Однако неколебимым они хотели оставить разное.

Константин Петрович Победоносцев — фигура в русской истории одиозная. Его имя — своеобразный символ эпохи, отмеченный А. С. Пушкиным: «Победоносцев над Россией простер совиные крыла». Современники остроумно сравнивали Победоносцева с «кругло-

головыми» — тот же дух законничества\*<sup>1</sup> и нетерпимого морализма.

Однако духовный облик этого человека весьма сложен и неоднозначен. «Великий инквизитор», «величайший богоубийца во всей Русской истории» (как его охарактеризовали современники) в книге «Праздники Господни» открывает читателю поэзию церковного богослужения, поражая его своей привязанностью к духу Церкви.

22 марта 1893 года К. П. Победоносцев так писал Александру III о книге «Праздники Господни»: «Все, что помещено здесь, писано мною в счастливую пору моей жизни, когда я жил без забот, тихо и незнаемый людьми, в Москве, в родительском доме. Благодетельные родители с детства приучили меня к Церкви, и свои церковные впечатления я писал для себя»\*<sup>2</sup>.

В отдельных главах книги, посвященных тому или иному христианскому празднику, К. П. Победоносцев открывает читателю целую область возвышенных, светлых и прекрасных впечатлений, каждому (по мысли автора) когда-то привычных и знакомых, но давно погасших и забывшихся. Мирской, светской мысли открывается в них смысл и прелесть церковной жизни: «Церковь наша своим богослужением так торжественно обставила не только великие праздники, но и таинственное ожидание их для верующих, что праздник сам собою постепенно вступает в душу, озаряя ее тихим светом благодати».

«Праздники Господни», по мнению Б. В. Никольского, «лирические рассуждения, проникнутые глубокой религиозной поэзией»\*<sup>3</sup>. Автор пытается выговорить идею упоминаемого праздника, обращаясь к догматическим формулам. Текст произведения включает цитаты из молитв, церковных песнопений, Священного Писания, что комментирует происходящее и аргументирует высказываемое. Перед нами книга с осознанной тенденцией: она призвана просветить, оживить воспоминания детства, связанные с переживанием религиозных праздников и, главное, закрепить их в строгом обряде.

Повествование разворачивается в «поучение». К художеству примешивается проповедь, замечен элемент преднамеренности и программы. Даже в минуты религиозного одушевления в речи автора слышна металлическая звонкая точность: «его слова не отстают от мыслей, не обгоняют их; ни намеков, ни поэтической недосказанности в них нет». Как стилист он, можно сказать, «чеканит свои мысли»\*<sup>4</sup>: «С раннего утра в Чистый Понедельник уже ощущается тихое веяние Великого Поста. Какая тишина в московских улицах и переулках, и в свежем, чистом весеннем воздухе какою гармонией звучат сереб-

ристые переборы колоколов, отовсюду зовущих к утрени! Войдешь в любую церковь — она наполнена, и в какой тишине стоят повсюду первые говельщики».

К. П. Победоносцев любил растворяться в народной толпе, исчезать со своим «я» в этой массе молящегося народа. И самая церковь для него есть, прежде всего, «живое, всенародное учреждение». Переживание соборности — вот в чем Победоносцев видит смысл религии. Через праздничное богослужение, которое он описывает во всех подробностях, через переживание деталей обряда происходит воскресение духа православного. Евангельская история переживается заново, тем самым воскрешается вновь и вновь (см. главы «Светлая Ночь Воскресения», «Литургия Великой Субботы», «Ранняя обедня» и другие).

В отличие от своего предшественника И. С. Шмелев в книге «Лето Господне» показывает нам Русь «из сердечной глубины верующего ребенка»\*5. Автору важно показать по-детски доверчивое, искреннее приятие всего явленного мира. «Детский» сказ передает впечатления ребенка от каждого нового момента бытия, воспринимаемого в звуке, цвете, запахах. Мир, окружающий героя, рисуется как мир, несущий в себе всю полноту и красоту земного бытия, мир ярких красок, чистых звуков, волнующих запахов. Праздничное настроение делает Ваню «зрячим»: окружающий мир становится для него открытием.

От эмоциональной оценки названия праздника через знакомство с его бытовой стороной герой приходит к постижению его сути. Например, глава «Покров»: в его зачине наименование праздника вводится как «чужое» слово («Скоро радостное придет — «покров» какой-то»), затем открывается многозначность слова, сближающая понятия «покров» и «покроет» («землю снежком покроет»). Наконец, в рассказе Горкина дается народная интерпретация праздника и вводится образ спасающего Покрова Богоматери. Этот образ развивается во внутренней речи мальчика и далее связывается с радостями, которые ожидают героя. В финале рассказа образ Покрова — символ милости, прощения и заступничества — соотносится с мотивами сияния, высоты. Бытовое, мирское его проявление сменяется утверждением вечного. «Вот и Покров пришел, праздник Владычицы Пречистой — во всю землю Ее Покров. И теперь ничего не страшно... над нами Владычица — там, высоко, за звездами»\*6

«Лето Господне» — обозначение церковного года и в тоже время знак проявления Божественной Благодати. Это символический «образ счастливого для искупленного человечества Царства Христова»\*7.

В книге как бы восстанавливается то первоначальное райское отношение, которое существовало когда-то между человеком и тварью. Когда было определено место каждому, и каждому дано было знать благодать Божию. «Я лучше люблю смотреть, как бегают тараканы в банке. С пузика они буренькие и в складочках, а сверху черные как сажа, и с блеском... Проснешься ночью и видно при лампадке — ползает чернослив какой-то». Далеко не случайно и черные тараканы как бы освящены лампадкой (превращаясь при этом в чернослив). Так они тоже приобщены к самому Лету Господню, занимая там, хотя весьма скромное, но свое место. В этом же эпизоде появляются еще два живых существа: соловей и налим. Летящие соловьи, ползущие тараканы и плавающие рыбы в главе «Благовещенье» как бы благословляются самим Господом. Кроме того, даже низшей твари доступно Божественное Предопределение: «Это правда... и тараканам дается знать»<sup>\*8</sup>.

Мир Божий — богатый мир. Полезное — одновременное и красивое, и доброе, и божественное. Сознание писателя не разграничивает нравственные, эстетические, религиозные начала и утилитарные цели. У человека всегда была потребность осмыслить и освятить свой хозяйственный труд на земле, связать его с высшей жизненной ценностью<sup>\*9</sup>. Эта потребность стремится породнить человека с природой, с ее сокровенной красотой, с ее таинственной целесообразностью и органичностью.

Чувство слиянности всего со всем — важное свойство православного миропонимания. Великие подвижники Церкви — Иоанн Дамаскин и Франциск Ассизский, несмотря на их столкновения с официальной Церковью, своими творениями наиболее полно и ярко выразили основы подобного мироощущения.

Весь мир со всеми в нем живыми существами и стихиями превратился для Франциска Ассизского в любящую семью, происходившую от одного Отца и соединенную в любви к Нему. Этот образ был источником, из которого вылилась его поэтическая «Хвала Господу со всеми Его творениями и паче всего с господином братом солнышком» и т. д.

Чувство «высшей гармонии» было свойственно и поэту-гимнологу Иоанну Дамаскину. Весь тварный мир открывается внутреннему взору, сердцу подвижника как вечное чудо божие, или, словами поэта:

*Благословляю вас леса,  
Долины, нивы, горы, воды,  
Благословляю я свободу,  
И голубые небеса!*<sup>\*10</sup>.

То же радостное, гармоничное мироощущение свойственно книге И. С. Шмелева, в которой как будто исполняется завет Христов: аще не будете яко дети, не имате внити в царствие Божие.

Мы не найдем подобной непосредственности, доверчивости у К. П. Победоносцева. Он не видит Божественного в мире, не ощущает образа Божьего в человеке, поэтому смысл христианского праздника для него заключается только в таинстве богослужения.

И. С. Шмелев, ощущающий в церковной обрядности живую жизнь, и К. П. Победоносцев, сводящий реальную жизнь к формальному обряду, — вот два полюса в осмыслении русскими светскими людьми нравственных и эмоциональных аспектов христианских праздников.

### Примечания

\*1 Вспомним Аблеухова — старшего из романа А. Белого «Петербург», прототипом которого явился К. П. Победоносцев.

\*2 Победоносцев К. П. Праздники Господни. Нью-Йорк, 1958.

\*3 К. П. Победоносцевой) et contro. СПб, 1996. С. 385.

\*4 Там же С. 372.

\*5 Ильин И. А. О тьме и просветлении. М, 1991. С. 182.

\*6 Шмелев И. С. Лето Господне. М, 1988.

\*7 Толковое Евангелие. М, 1871. Кн. 2. С. 300.

\*8 Эта мысль отчетливо звучит и в другом произведении И. С. Шмелева «Пути небесные». См.: Шмелев И. С. Пути небесные. М, 1991. С. 452.

\*9 Известный в начале 20 века Е. Н. Поселянин в книге «Идеалы христианской жизни» утверждал сходную мысль о расширении области веры: «Напрасно полагают, что только храм и обряды религиозные составляют область жизни, освящаемую верою. Все, что в быту человеческом достойно и чисто: все то благословляется Богом. Я молюсь Богу трудом моим». См.: Поселянин Е. Н. Идеалы христианской жизни. СПб, 1994. С. 17.

\*10 Толстой А. К. Поли. собр. соч.: В 2 т. Т. 1. С. 228.

### Summary

Different types of the perception of the world influenced the form of the conception of the cristian holiday. The System of the religions perception of I.S. Shmelev and K.P. Pobedonostsev influenced the picture of the ortodocsal world created by them and reflected in it.

K.P. Pobedonostsev reduced the real life to the church ritual. That is why in his book «God s Holidays» he wrote about holidays God serol and about experience of the ritual.

I.S. Shmelev all the created world grasps as the God s miracle. Therefore in his book «God s Summer» he showed trust childish , sincere reception of all the world.

*М. И. Тимощенко*  
(г. Минск)